

Глава 37. Вся признательность — псу под хвост

Вэй Вэнькан давно привык к вечной суете своего супруга, а потому ничуть не встревожился.

— О чём же ты забыл? — мягко переспросил он.

— Новые туфли сделать забыл! — Лю Тяньцзяо состряпал плачевную мину. — Хорошему скакуну — доброе седло, а новым одеждам — новые туфли. И как я мог такое упустить?! Завтра тебе уже на учёбу, теперь и захочешь — не успеешь справиться обнову. Что же делать?

Молодой человек взглянул на свои соломенные сандалии, в которых уже красовалась приличная дыра. К нарядному платью они и впрямь не подходили, но он лишь пожал плечами. Семья их достатком не блистала, и нужды пускать пыль в глаза он не видел.

— И эти хороши, — отозвался он. — К чему лишние траты? Обойдусь.

— Ишь чего удумал! К такому платью — и рваное лыко? — Тяньцзяо уже разворачивался, чтобы выскочить за порог. — Люди ведь решат, что ты просто прикидываешься богатеем, а на деле — голь перекатная. Жди здесь, я мигом что-нибудь придумаю!

— Да где же ты их возьмёшь? Ты хоть размер мой знаешь?

— Знаю-знаю! Глаз у меня наметанный, один раз глянул — и всё до медяка вымерил!

— Да не нужно мне ничего, поздно уже, вернись! — Вэнькан бросился было следом, но куда там его книжной прыти до Тяньцзяо? Супруг скрылся из виду быстрее, чем тот успел добежать до калитки. Оставалось только вернуться в дом и ждать.

Тяньцзяо тем временем уже стучался в ворота к Мальчишке Яню. Он помнил, как Старушка Ли стирала обувь сына, и по размеру та должна была подойти Вэнькану. К тому же Янь часто бывал в городе и одевался всегда справно, так что лишняя пара туфель у него наверняка имелась.

Дверь открыла невестка Яня. Раньше они с Тяньцзяо почти не знали, но теперь женщина, едва увидев гостя, расплылась в улыбке:

— Ой, Цзяо Гэ'эр пришёл! Какими судьбами?

— Да вот, — Тяньцзяо немного смутился, — мужу завтра в город, в частную школу возвращаться. Платье-то я ему сшил, а про туфли совсем забыл. Пришёл спросить: нет ли у вашего Янь-гэ лишней пары? Я бы купил, дело-то срочное.

— Ох, про это я не в курсе. Ты проходи, присядь, а я у матушки спрошу, — отозвалась невестка. Самой ей, как старшей жене брата, не подобало расспрашивать молодого деверя о таких личных вещах.

Тяньцзяо помнил, что Старушка Ли раньше недолюбливала его и Цзяонян, а потому поспешил отказаться:

— Не стоит беспокойства, я здесь подожду. Не утруждайте себя лишний раз.

Но невестка и слушать не желала:

— Ну что ты, в дверях стоять — дело ли? Заходи, хоть воды глотни с дороги.

Лю Тяньцзяо, который после смерти отца давно не видел от односельчан такого радушия, был почти ошарашен и послушно прошёл в дом.

Женщина усадила его за стол и подала чашу с водой.

— Угощайся. Это сахар из тростника, что в моей родной деревне растёт. Урожаи там небольшие, зато вкус — закачаешься.

Сладкая вода — в деревне это считалось высшим знаком почтения. Гость окончательно перестал что-либо понимать.

— Невестка, к чему такая щедрость? Мне даже неловко как-то.

— Да брось ты! Мы ведь твои закуски ели. Уж не знаю, как ты их готовишь, но если потроха — это просто объедение, то твои овощи пахнут вкуснее, чем иное мясо!

Тяньцзяо наконец всё понял. С виду невестка Яня казалась женщиной тихой и скромной, а на деле оказалась такой же любительницей вкусно поесть, как и он сам. Это открытие его и позабавило, и порадовало.

— Раз вам по вкусу, так я только рад! Я каждый день много готовлю, так что заходите, берите, когда захочется.

Женщина просияла:

— Мы и так часто покупаем! Но ты каждый раз столько сверху накладываешь, что нам даже совестно — чистая выгода получается.

— Мы ведь соседи, как иначе-то? — Тяньцзяо рассудил здраво: если не случится беды, в этой деревне ему весь век коротать. Переезжать в город он пока не планировал, а значит, и добрые отношения с людьми — дело нужное.

Раньше из-за репутации отца он разом настроил против себя полдеревни, и никакие объяснения не помогали. Кто бы мог подумать, что обычные свиные потроха заставят соседей сменить гнев на милость?

Старушка Ли ещё не ложилась. Услышав от снохи, зачем её зовут, она тут же вышла. Увидев Лю Тяньцзяо, она нахмурилась:

— Ты чего это припёрся?

Тот, набравшись смелости, снова изложил свою просьбу.

Лишь на мгновение матушка Ли замерла от удивления.

— Ты хочешь купить туфли для мальчишки Вэя?

— Именно так. Учёные люди в городе народ не бедный, если он явится в обносках, злых языков не оберёшься.

— И так все знают, что ученье — забава для богачей. К чему зря серебро тратить? Думаешь, из него выйдет толк, и он на сюцзя сдаст? Был бы он стоящим товаром, давно бы уж разглядели.

Старушка Ли озвучила то, о чём шепталась вся деревня. Тяньцзяо не обиделся — чужие мысли его мало трогали, у него был свой ум.

— Попытка — не пытка. Посмотрите всё же, матушка, нет ли у Янь-гэ пары на продажу.

— Есть-то есть. В прошлом месяце справили, ещё и надеть не успел. Только ткань там добрая, денег стоила немалых.

Тяньцзяо был полон решимости не возвращаться с пустыми руками. Он понимал, что придётся раскошелиться.

— И сколько же?

— Сто вэней.

Юноша невольно втянул воздух сквозь зубы.

— Батюшки! Да из чего же они сделаны за такую-то цену?

Старушка Ли окинула его пренебрежительным взглядом:

— Сразу видать — не понимаешь. Подошва в несколько десятков слоёв прошита, на совесть! А верх из лучшего атласа. Сто вэней — это я ещё за работу не накинула. Ну что, берёшь? Если дорого — так я и доставать не стану.

«Дорого, ещё как дорого!» — пронеслось в голове, но выбора не было. Тяньцзяо решил, что заставит Вэй Вэнькана беречь эти туфли как святыню: пусть надевает только в школе, чтоб на десять лет хватило.

— Беру. Покажите хоть, матушка.

Старушка Ли даже рот приоткрыла:

— А ты, парень, видать, на мужа ничего не жалеешь.

Туфли эти она справила сгоряча, когда Тётушка из семьи Ван уязвила её, мол, Янь уже в годах, а невесты в доме нет — видать, все видят её прижимистость и боятся в бедность идти. Кому же не хочется жить в достатке? Она-то копейку берегла, чтобы детей по-людски пристроить, а тут — «скупердяйка». Разъяренная матушка Ли тогда и купила дорогую ткань, чтоб всем утереть нос.

Но гнев прошёл, и прижимистая натура взяла своё. Как только обновка была готова, Ли горько пожалела о тратах. Тётушка из семьи Ван — баба такая, что и собаку мимо пробегающую до слёз доведёт, а она-то, дура, и повелась!

Сто вэней! Это ж сколько мяса можно было купить, всю семью несколько месяцев кормить! Старушка бы в ножки поклонилась тому, кто вернул бы ей деньги за эти туфли. И вот — «лекарство от сожалений» само пришло в дом.

Она вынесла туфли и протянула Тяньцзяо:

— Гляди. Полдюжины дней корпела, стежок к стежку, ни одной нитки не торчит.

Ткань и впрямь оказалась превосходной. Тяньцзяо не стал тянуть и выложил из кошелька сто вэней.

— Премного благодарен, матушка.

Видя такую решительность, Старушка Ли даже растерялась:

— И впрямь берёшь?

— Беру. Не гоже Вэнькану завтра в рваном лыке перед учителем представать.

Невестка Яня тоже стояла в изумлении. Кто бы мог подумать, что Тяньцзяо, который в деревне любого молодца в бараний рог скрутит, в душе так печётся о муже? Ей даже стало немного совестно: она-то вечно втайне от своего благоверного сладости покупала и одна лопала. «Ладно уж, — решила она, — в следующий раз и ему оставлю. В конце концов, под крылом у такой свекрови ему тоже несладко».

Тяньцзяо, видя вытянувшиеся лица женщин, не без гордости подумал: «Видали? На все окрестные деревни не сыскать такого заботливого супруга! Вэй Вэнькан теперь точно от счастья расплечется, в ноги повалится и до гроба будет мне как верный пёс служить!»

Как он и ожидал, Вэнькан был тронут. Настолько, что даже позабыл о приличиях, подобающих учёному мужу, и крепко прижал Лю Тяньцзяо к груди.

Правда, из-за разницы в росте и сложении со стороны это выглядело так, будто Вэнькан ищет защиты в объятиях супруга — эдакая «хрупкая дева» под крылом у богатыря.

Тяньцзяо опешил. Руки замерли в воздухе, не зная, куда деться, но он вовремя сообразил: если не ответить, человек же расстроится! Поразмыслив, он положил ладонь Вэнькану на спину и легонько похлопал:

— Ну-ну, всё хорошо. Не плачь.

Вэй Вэнькан замер. Пытаться пробудить в этом гэ'эр романтические чувства было всё равно что вести беседу с деревенским псом Сяо Хуаном — тот хотя бы знает, когда хвостом вилять, а не просто гавкать.

Тяньцзяо же, уверенный в своём безупречном поведении, ничуть не смутился. Напротив, он не упустил случая прощупать супруга от плеч до поясницы, после чего вынес вердикт:

— Всё же тощ ты больно. Завтра ешь побольше, в вашей школе ведь кормят?

— Кормят, — выдохнул Вэнькан.

Тяньцзяо удовлетворенно кивнул:

— Ну, хоть у того старика-учителя совесть есть, не зря мы серебро за учёбу отдавали.

Так и закончился этот суматошный день.

На следующее утро Вэй Вэнькан, по обыкновению, поднялся ещё затемно. В своём старом латаном платье и соломенных сандалиях он помог Тяньцзяо развести огонь, натаскать воды и приготовить потроха, а затем помог докатить тележку до мясной лавки семьи Лю.

Увидев, что солнце уже взошло, Лю Тяньцзяо принялся его подгонять:

— Живо переодевайся и дуй в школу! Опоздаешь ведь!

Он всё ещё медлил, беспокоясь:

— А ты один справишься?

— Управлюсь-управлюсь! Иди уже, не тяни время.

— Ладно. Ты только вернись домой пораньше, отдохни. Как я приду — всё вместе доделаем.

Дав последние наставления, Вэнькан наконец перестал мешкать. Он наскоро умылся, обтёрся водой и облачился в чистые одежды и новые туфли.

Он понимал, что пришёл не самым первым, но, увидев, что в классе пусто только его место, всё же немного смутился. Не теряя времени, он сел за стол, достал книгу и погрузился в чтение.

Вскоре сбоку высунулась любопытная голова. Это был самый младший ученик в классе.

— Шиди, что ты читаешь?

— «Чжун Юн», — ответил Вэнькан.

Малыш потерял свой хвостик на макушке и с ужасом переспросил:

— Ты что, уже весь «Лунь Юй» одолел?

Юноша вспомнил слова Учителя Вана в день посвящения и серьёзно ответил:

— Только прочёл. До полного понимания ещё далеко.

Мальш похлопал себя по груди и выдохнул с облегчением, совсем как взрослый:

— Ну, раз не до конца, то ладно. Как же хорошо, шиди, что ты у нас есть!

<http://bllate.org/book/15343/1412796>